

КАРЛ КНОРРЕ – АСТРОНОМ И ПОЭТ

С. Ф. Эраль

По статье Suzanne Héral «Karl Knorre, astronome et poète» // **Новітня філологія** / ЧДУ / Випуск 38. – Миколаїв : 2011. – С. 198-209.

В статье раскрывается доселе неизвестная грань таланта астронома Карла Кнорре, показывается, что он не только поддерживал дружбу с поэтами, но сам был поэтом. Недавно стало известно, что в молодости он написал на родном немецком языке романс в стихах под названием «Lucinde», опубликованный в Дерпте и повествующий трагическую историю о том, как юная пара запуталась в роковом треугольнике Любви, Нравственности и Смерти. Рассматривается также версия о том, что Карл Кнорре послужил прототипом образа Ленского в романе А.С.Пушкина «Евгений Онегин».

Ключевые слова : поэзия, стихи, роман, романс, ода, миф, романтизм, рыцарство, идеализм, образ, портрет, личность, астрономия, переписка, открытие, отождествление, сходство, толкование.

Фамилия Карла Кнорре (1801-1883) – довольно известна в астрономическом мире, в котором в течение 50 лет – с 1821 по 1871 гг. - он отличался, как первый астроном Черноморского флота и первый директор Николаевской обсерватории [1]. Из недавно открытых архивных свидетельств раскрывается пока неизвестная грань его личности и таланта – он был и поэтом.

Карл Кнорре родился в лифляндском городе Дерпте (ныне Тарту в Эстонии) в семье Саксонцев по происхождению. С юности он стал выражать свою чувствительность и эмоции поэтическими попытками. Его первые стихи пока не найдены, но в начале 2009г. нам пришлось случайно открыть на сайте Библиотеки Тартуского университета (Tartu Ülikooli raamatukogu) в отделении редкостей значительное поэтическое произведение на немецком языке, подписанное Карлом Кнорре – длинный романс под названием «**Lucinde**» (**Люцинды**) в Дерптском издательстве 1821г. [2]. В то время Карл Кнорре уже переехал в Николаев. Можно предположить, что он составил произведение в возрасте 19 лет, когда он еще учился математике и астрономии в Дерптском университете и готовился к отъезду в Николаев. Как раз в тот момент его дядя Карл Август Зенфф, профессор изобразительных искусств в Дерптском университете решил сохранить черты юного племянника до его отъезда и написал его портрет в 1820г. Картина ныне имеется в семье Кнорре в Германии.

Поэма **Люцинда** состоит из 37 строф по 8 стихам под крепким влиянием немецкого романтизма и идеализма. Ее название Карл Кнорре вероятно заимствовал от незаконченного, опубликованного в 1799 году романа немецкого романтика Фридриха фон Шлегеля. Главная тема сводится к роковому треугольнику Любви-Нравственности-Смерти и напоминает о судьбе таких мифических пар, как Тристан и Изольда, Фауст и Маргарита, и даже Дон Жуан и Дона Анна. Действие происходит в средневековых временах в неопределенной стране северной Европы. Все начинается однажды весной. Двое молодых людей, рыцарь Людвиг и красивая девушка Люцинда пылают горячей любовью друг к другу. Тем временем родители Люцинды пообещали отдать дочь за Людовикова наилучшего друга рыцаря Артюльфа. Поскольку она предчувствует предстоящую драму, Люцинда долго умоляет Людвигу уехать за границу. Наконец, он соглашается уединиться в дальнюю страну. Но в последнем моменте Люцинда задерживает его и они совершают роковой грех плоти. Затем, в течение трех летних месяцев они тайком встречаются и проводят ночи вместе в замке в горах. В конце концов Артюльф вызывает соперника на дуэль. В борьбе Людвиг одержит верх над противником. Смертельно раненый Артюльф все прощает давнему другу и умоляет его убежать, чтобы уклониться от правосудия. Отчаянный Людвиг ему слушается и тотчас исчезает на черном коне. В печальных осенних днях Люцинда оплакивает пропавшего любовника в то время, когда она склоняется над могилой Артюльфа, последней связи с любимым Людвигом. Зимой она сидит у окна с младенцем в руках, устремляя пустой взгляд в пространстве открытого поля. В припадке безумия она вдруг зарежет ребенка кинжалом. Убийцу скоро арестуют и посадят в тюрьму. Три месяца спустя, опять весной, слухи о событии дошли до Людвигу в ссылке. Он спешно возвращается на родину, выпускает Люцинду из тюрьмы, на черном коне привозит ее домой в замок и предлагает ей вступить в законный брак. Люцинда соглашается, но забывать о преступлении ей нельзя. Следующей весной она умышленно отдает себя в руки суда, который раньше приговорил ее к казни колесованием. Много лет спустя, Людвиг, ставший согнутым, слабоумным стариком, в полночь беспрестанно бродит по кладбищу, в котором покоится Люцинда, надеясь, что скоро выйдет из могилы ее призрак, чтобы соединиться к пляске смерти других покойников при свете луны.

В композиции поэмы важную роль играет смена времен года, отражающая космические и природные законы. Таким же образом, подчеркивается кодекс рыцарства традиционными лейтмотивами замка, шпаги, поединка и, больше всего, верного

черного боевого коня. Несмотря на молодость, Карл Кнорре проявляет свое мастерство правил классической и романтической поэзии. Кроме того, слышится более заветный тон по теме разлуки и ссылки в частности в следующем диалоге [3] :

Людвиг (строфа 2, стихи 1-2)

„*O sprich mir nicht von Trennung und Schmerz,
Ich kann dich nimmer verlassen !...* “

Ах, не говори мне о разлуке и горе,
Никогда не могу расстаться с тобой !...

Люцинда (строфа 6, стихи 5-6)

„*Noch manches Herz
Schlägt südenwärts,...* “

Не одно сердце
Бьет к югу, ..

Людвиг смотрит на будущую ссылку, как на место «в котором никакой живой глаз его не увидит». Там он хочет «умереть в одиночестве» (строфа 7, стихи 3-4). Он уедет, «чтобы навсегда плакать далеко от своих» (строфа 8, стихи 7-8). Выражает ли здесь Карл Кнорре собственное страдание при мысли разлуки с нежной подругой или просто поэтическое и романтическое воображение ? В последних стихах можно по крайней мере чувствовать тревогу молодого человека, который собирается покинуть семью и свой родной Дерпт, чтобы поехать в незнакомый, далекий Николаев в глубине южной украинской губернии. Карл Кнорре выразил те же самые опасения в письме 30. сентября/12. октября 1820г. в адрес высокопочтимого учителя В.Я. Струве, который тогда путешествовал по Европе [4]. В письме Кнорре упоминает свою «тревогу, прибавленную к страданию предстоящей разлуки и слез матери.» Составляя романс **Люцинду** до отъезда из Дерпта, Карл Кнорре, наверное, хотел проститься с беззаботной молодостью и родным городом, и тем временем там оставить скромное поэтическое наследие.

Опасения Карла Кнорре были вполне обоснованы, поскольку его назначали в неизвестную территорию. Тогда Николаев еще был не настоящим городом, а скорее поселением военно-морского ведомства, основанным в 1789г. по приказу князя Г.А. Потемкина. В 1820г. население достигло приблизительно 10,000 жителей, одна половина из которых служила моряками и другая рабочими кораблестроительных верфей, ремесленниками и торговцами. По стратегическим доводам доступ до Николаева был закрыт иностранцам ; образованные люди и культурные круги там были редки. К счастью, читая лекции в Штурманском училище, Карл Кнорре познакомился с некоторыми интересными людьми. В числе его учеников было двое братьев, Владимир и Карл Даль, кадеты Черноморского флота. Они подружались с преподавателем-

ровесником и пригласили его к себе домой. Отец двоих студентов, Иоганн Кристьян фон Даль, датчанин по происхождению, выдающийся теолог и филолог, служил главным врачом Черноморского флота. Мать Юлья, урожденная Фрейтаг, отлично играла музыку и пела. Бабушка Мария Фрейтаг писала пьесы и переводила на русский язык немецкие произведения. Все знали четыре или пять языков. Дома они устраивали культурные вечера, на которых Карл Кнорре стал постоянным и желанным гостем.

Семья Далея была очень близка к интеллигентной семье Зонтагов. Анна Петровна Зонтаг, племянница великого русского поэта Жуковского, посвящала все свое время переводу на русский язык немецких и английских авторов, в том числе Сэра Уальтера Скотта, и сама писала сказки для детей. Ее муж Егор В. Зонтаг, американец по происхождению, руководил частным яхтом адмирала А.С. Грейга, на борт которого он не раз принимал Карла Кнорре в пассажиры. Марии Даль и Анне Зонтаг удалось создать литературный и культурный круг, в котором Карл Кнорре нашел интеллигентную и художественную обстановку в соответствии со своей родной средой.

Владимир Даль, как и Карл Кнорре, родились в 1801г. Они разделяли то же самое увлечение литературой и скоро стали близкими друзьями. Вл. Даль тогда уже написал несколько сатирических пьес, которые показывали на любительских спектаклях. Оба приятеля имели одинаковый умственный критический и иронический склад в отношении к современникам. Они привыкли проводить вечера вместе при поздней работе в частной обсерватории адмирала А.С. Грейга и затем гуляли по улицам г. Николаева. По теплым вечерам им особенно нравилось ходить по бульвару вдоль реки Ингула и по главной улице, где они обменивались взглядами с молодыми местными красавицами. Однажды весной 1823г., Вл. Даль узнал от Карла Кнорре, что 48-летний адмирал Грейг решил вступить в гражданский брак с юной прекрасной женщиной с слегка смутным прошлым и купил для нее дом на главной улице. Следующим утром, Даль торжественно показал Кнорре написанную ночью эпиграмму, в которой адмирал Грейг назывался «глупым рогоносцем» [5]. Кнорре прочитал ее, восхитился и двое товарищей громко захохотали. Шутка должна была бы остаться вполне секретной но, через неизвестные пути, текст эпиграммы распространился по городу с молниеносной быстротой и все закончилось скандалом. Бешеный армирал Грейг, подозревая Владимира Даля в том, что он сочинил эпиграмму, велел обыскать его дом во время его отсутствия. Там удалось полиции открыть в старой обувной коробке черновик эпиграммы. В сентябре 1823г. Владимир Даль был арестован и предан военному суду. Через восемь месяцев он был оправдан за неимением

фактических доказательств, уволен с Черноморского флота и переведен в Кронштадт, военно-морскую базу Балтийского флота.

Таким образом, из-за невинной шутки Карл Кнорре лишился любимого друга, Вл. Даля, который позже стал автором неповторимого **Толкового словаря живого великорусского языка**. Но Даль никогда не забыл о приятеле астрономе – он посвятил Карлу Христофоровичу Кнорре лично вторую из своих **Русских сказок казака Луганского** [6]. Даль, уроженец поселка южной Украины Лугани (ныне Луганска), выбрал этот псевдоним в начале своей литературной карьеры. В данной сказке речь идет о ряде озорных приключений из жизни провинциального судьи с местными невежественными крестьянами. Сатирический тон и едкая ирония там напоминают стиль Гоголя. Посвящение Карлу Х. Кнорре – вероятно намек на взаимные обычные шутки по отношению к некоторым жителям южной Украины. Несмотря на удаление и текущее время, двое друзей продолжало встречаться по случаю путешествий и переписывались в течение десятилетий, как свидетельствуют тетради частной переписки Карла Кнорре. Умственный сговор друга с другом был так, что есть основание предположить, что во время пребывания А.С. Пушкина в Николаеве, Вл. Даль смог представить ему Карла Кнорре. Встреча смогла бы состояться и в Одессе, место ссылки поэта на два года, в частности до последнего квартала 1823г., когда поэт сочинил две первых главы своего «романа в стихах» **Евгения Онегина**.

Вернувшись из южной ссылки, Пушкин написал приятелю князю Н. Голицыну: «*Que je vous envie votre beau climat de Crimée... C'est le berceau de mon Onégin, et vous aurez sûrement reconnu certains de mes personnages.*» [7] (Как я Вам завидую за ваш прекрасный крымский климат... Там находится колыбель моего Онегина и Вы, наверное, уже узнали некоторых лиц.) Значит, поэт здесь сообщает, что герои его романа происходят из реальных прототипов. Кроме того, его записные тетради пестрят набросками, изображающими разных личностей, из которых некоторые ясно определимы. Николаевский краевед и публицист недавно утверждал, что он смог отождествить профиль Карла Кнорре с одним из этих рисунков на основе предполагаемого сходства с портретом Карла Кнорре в возрасте 20 лет и из этого сделал вывод, что молодой астроном служил Пушкину прототипа образа Ленского. [8] Данный профиль пушкинисты традиционно отождествляют с профилем поэта В.И. Туманского. Поскольку просто графический или чертежный подход к вопросу нам показался недостаточно надежным, мы предпочли выбрать чисто текстовой подход на основе нескольких отрывков из Второй Главы **Евгения Онегина**. Затем мы

попытались вывести из них соответствия с истинной личностью Карла Кнорре и передать их толкование.

Строфа 6 (стихи 5-14)

*По имени Владимир Ленский,
С душою прямо геттингенской,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт,
Он из Германии туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч.»*

В 1823г. Карл Кнорре был действительно 22-летним красавцем «в полном цвете лет» с видом щеголя, если судить по его портрету, нарисованному дядей Карлом Августом Зенффом. Хотя высшее образование он получил не в Геттингене а в Дерпте, Карл Кнорре происходит из чисто немецкого рода из Саксонии –отец Эрнст Кристоф Кнорре родился в Гальденслебене и мать Софи, урожденная Зенфф, в Крейпау бай Мерзебурге. Карл сам родился и воспитался в Лифляндии в г. Дерпте, который тогда находился под крепким немецким культурным влиянием. Он учился науке в Дерптском университете, где лекции читались на немецком языке. Если во время Пушкина Геттинген слыл сущностью немецкого университета, то Дерпт являлся храмом немецкой науки у дверей русской империи. Молодой поэт Карл Кнорре дал волю своему романтическому чувству и задору в упомянутом романсе **Люцинде**.

Строфа 7 (стихи 1-2)

*От хладного разврата света
Еще увянуть не успев,
(стихи 5-6)
Он сердцем милый был невежда,
Его лелеяла надежда,
(стихи 11-14)
Цель жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой,
Над ней он голову ломал
И чудеса подозревал.*

В сравнение с Пушкиным, который был старше его на только два года, 22-летний Карл Кнорре был вне сомнения невинным, неопытным и даже простодушным молодым человеком. Он был и всю жизнь остался ревностным служителем астрономии, которую он считал священной наукой, как свидетельствуют его 83 письма в адрес учителя и друга В.Я. Струве с июня 1820г. по январь 1857г. [4] Можно сказать без ошибки, что он все время *«голову ломал»* над астрономическими расчетами и проблемами, надеясь, что ему удастся разъяснить *загадки* вселенной.

Строфа 9 (стихи 5-14)

*Он с лирой странствовал на свете;
Под небом Шиллера и Гете
Их поэтическим огнем
Душа воспламенилась в нем;
И муз возвышенных искусства,
Счастливец, он не постыдил:
Он в песнях гордо сохранил
Всегда возвышенные чувства,
Порывы девственной мечты
И прелесть важной простоты.*

Правда, под небом немецкоязычного Дерпта Карл Кнорре попробовал, не без успеха, приручить поэтическую *лиру*. Когда читаем его романс **Люцинду**, нас поражают в нем переданные *возвышенные чувства* – великодушное умирающего Артюльфа к противнику и сопернику, рыцарская смелость Людвига для освобождения любимой дамы из темницы, самопожертвование Люцинды и любовь, превосходящая за пределом смерти. Все эти чувства соответствуют ценностям европейского рыцарства – храбрость, верность, чувство чести и вера. Потеря девственной чистоты у девушки, предназначенной для другого мужчины является самой страшной виной и первородным грехом, доводящим до окончательного искупления.

Четыре отрывки из **Люцинды**, кажется, особенно откликаются на выше приведенные стихи из строфы 9 Второй Главы **Евгения Онегина**, и даже изображают их:

Строфа 13 (стихи 3-4)

*„Komm, Ludwig, reiche mich noch die Hand,
Es sey dir alles verziehen ! “*

Подойди, Людвиг, протяни руку,
Пусть все тебе будет прощено !

строфа 14 (полный текст)

*„Geh, lieber Freund! Es verrinnt der Tag,
Mußt rastlos von hinnen eilen,*

Беги, милый друг, день уходит,
Ты должен тотчас же отсюда удалиться,

*Denn wer dem Arthulf die Brust durchstach,
Für den ist hier länger kein Weilen ;
Die Stunden vergehen !
Auf Wiedersehen
In der bessern Welt ! Nun reite
Ins Weite ! “*

Ибо кто Артюльфу грудь проколол
Тому здесь больше не медлиться ;
Часы протекают !
До свидания
В лучшем мире ! Теперь скачи
В даль !

Так, умирающий Артюльф сохраняет верную дружбу к давнему приятелю, который предал его и нанес ему смертельное ранение ; он прощает его и объявляет свою веру в вечную жизнь.

Строфа 22 (стихи 5-8)

*Da entbrennt ihm der Muth:
„Es koste mein Blut,
Ich will sie aus Banden und Ketten
Erretten. “*

Тогда вспыхивается его храбрость:
«Пусть это мне жизни стоит,
Хочу ее от цепей и оков
Освободить. »

Сообразно идеалу рыцарства, Людвиг и заявляет о своей готовности пожертвовать жизнью, чтобы спасти свою Даму.

Строфа 35 (стихи 5-8)

*„Bin reif zum Tod,
Bald endet die Noth,
Bald erlischt das wüthende Toben
Dort oben ! “*

«Я готова к смерти,
Скоро покончится беда,
Скоро погаснет бешеное неистовство
Там наверху ! »

Такие слова произнесла Люцинда, сообщая, что она решила отдать себя последнему жертвованию – она навсегда отреклась от любви, счастья и жизни, чтобы подвергнуться казни колесованием, чтобы примириться с требующем ее возмездия Богом. Образ Люцинды сначала представляет собой падение идеала чистоты и *девственной мечты*. Затем он изображает победу совести, веры, мужества и раскаяния. При этом сама Люцинда становится героиней с *возвышенными чувствами*.

Когда теперь вернемся к Второй Главе **Евгения Онегина**, открываем в нескольких стихах Строфы 10 смущающие сходства с текстом **Люцинды**.

Строфа 10 (стихи 1-4)

*Он пел любовь, любви послушный,
И песнь его была ясна,
Как мысли девы простодушной,
Как сон младенца,...*

Не напоминают ли эти стихи образ Люцинды, сидящей у окна и задумываясь с младенцем в руках ?

Строфа 10 (стих 7)

Он пел разлуку и печаль,...

Здесь, кажется, слышится о горе Людвига перед отъездом в строфе 2, стихи 1-2

Люцинды :

*„O, sprich mir nicht von Trennung und Schmerz,
Ich kann dich nimmer verlassen ! “*

Ах, не говори мне о разлуке и горе,
Никогда не смогу расстаться с тобой!

Строфа 10 (стихи 10-12)

*Он пел те дальные страны,
Где долго в лоно тишины
Лились его живые слезы;*

Не Людвиг ли проливал эти слезы в дальней ссылке, куда он в начале обещал Люцинде удалиться ?

Строфа 8 Люцинды (стихи 6-8)

*„Feinslieb, ich geh,
Um ewig fern von den Meinen
Zu weinen. “*

Милая, уеду,
Чтобы навсегда отдаленный от своих
Выплакать.

Давайте вернемся к Второй Главе **Евгения Онегина** :

Строфа 10 (стихи 13-14)

*Он пел поблеклый жизни цвет
Без малого в осьмнадцать лет.*

Как раз в этом возрасте Карл Кнорре извлекал из своей поэтической лирой первые трагические звуки романа **Люцинды**. Сходства еще продолжают дальше в Второй Главе **Евгения Онегина**, в которой Пушкин странно называет Ленского «полурусским» :

Строфа 12 (стихи 1-5)

*Богат, хорош собой, Ленский
Везде был принят как жених;
Таков обычай деревенский:
Все дочек прочили своих
За полурусского соседа;*

Да, немецкий язык был родным языком Карла Кнорре ; на нем он воспитался и учился. Но русский язык был ему тоже довольно знаком. Как только он узнал о своем назначении в Николаев, он немедленно стремился совершенствоваться в русском языке, чтобы оказаться на высоте предстоящих задач новой должности, в частности лекций, которые он должен был читать в Штурманском училище. Такой *красавец* с многообещающим положением обязательно был популярным в обществе, как интересная партия. Из-за балтийского акцента он вероятно считался «полурусским» в глазах жителей г. Николаева и даже Одессы.

Еще дальше во Второй Главе **Евгения Онегина** находится последний, более смущающий вид сходства образа Ленского с Карлом Кнорре :

Строфа 16 (стихи 9-14)

*Поэт в жару своих суждений
Читал, забывшись, между тем
Отрывки северных поэм
И снисходительный Евгений,
Хоть их не много понимал,
Прилежно юноше внимал.*

В такой сцене, кажется, мы видим, как Ленский /Кнорре читает *отрывки северных поэм*, т.е. **Люцинды**, и Онегин/Пушкин *прилежно* старается понять немецкие стихи. Это толкование просто является итогом многих отмеченных черт сходства образа Ленского в его представлении в некоторых строфах **Евгения Онегина** с действительной личностью Карла Кнорре и его поэтическом произведением. Неужели характер николаевского астронома произвела такое сильное впечатление на Пушкина, что ему захотелось прославить молодого человека в образе Ленского ? Это предположение не подкреплено фактическим доказательством об их встрече. Жаль, что никакое свидетельство об этом до сих пор не найдено в переписке великого русского поэта с друзьями.

Международный Год Астрономии 2009 нам доставил второй приятный сюрприз с открытием другого, позднего но не датированного произведения Карла Кнорре под названием « **An die Sternwarte** » (**К обсерватории**). Стихотворение представляет собой гимн во славу Николаевской обсерватории. Оно было найдено в мемориальной тетради, составленной Кларой Кнорре-Лундиус, старшей дочерью Карла Кнорре по случаю похорон отца в Берлине в 1883г. Очевидно, оду в 3 строфах по 6 стихам астроном-поэт сочинил после завершения постройки Николаевской

обсерватории в 1829г. или немного позже. В лирическом гимне в адрес Обсерватории, молодой астроном почти обращается к Божеству.

An die Sternwarte

К Обсерватории

Строфа 1

*Du holdes, lieblich lächelndes Haus,
Du siehst auf mich nieder so heiter,
Du ziehst mich allmächtig zu dir hinaus
Du freundliche Himmels-Leiter!
Mir füllt sich die Seele mit ruhiger Milde
Vor deinem Bilde.*

Ты, улыбающий дом, изящный и прекрасный,
Ты, сверху вниз смотрящий на меня так ясно,
Ты, который всемогуще влек к себе меня,
Ты, лестница небесная, приветливая,
И полнится покойной нежностью душа моя
Пред образом твоим, Обсерватория !

Строфа 2

*Wohin ich wandle, wohin ich geh',
In trüben, in fröhlichen Zeiten,
Da strahlst du herunter aus lustiger Höh',
Ein schützender Geist, mich zu leiten,
Als wolltest du mich aus dem iridischen Leben
Himmelan heben.*

И куда бы я ни шел, где бы не бродил,
В печальные, веселые жизни времена
Мне в Выси радосной сияньем ты светил
И Ангелом-хранителем ты направлял меня
Будто бы желал от жизни земной оторвать
И в Высь небесную поднять.

Строфа 3

*Und schweigt in süsser, seeliger Ruh',
Das brausende Erdengetümmel,
Dan flieg' ich Glücklicher eilend Dir zu.
Du führst mich hinauf in den Himmel,
Und seelig glaub'ich hinüber zu schweben
In's bessere Leben.*

И молчит в блаженной сладкой тишине
Бушующий, гремящий грохот на Земле,
Тогда я счастливый спешно взлетаю
И ты меня к небу наверх провожаешь.
Мне кажется в блаженстве смогу перенестись
Я в лучшую Жизнь.[10]

Значит, в глазах астронома-поэта обсерватория является небесной лестницей, открывая перед ним путь к тайнам вселенной. Священной астрономической наукой эта лестница освобождает его от присущих челевеческой природе условий и дает ему наслаждаться счастьем блаженных, как будто «изящный дом» доставлял бы ему подход к Свету, Правде и Вечной жизни. Известно, что Карл Кнорре тоже учился теологии в Дерпте и всю жизнь сохранял горячую лютеранскую веру. Конец стихотворения содержит его мировоззрение, соединяющее науку и религию в общий идеал.

Так, через более лет десяти после **Люцинды**, Карл Кнорре выбрал поэзию, чтобы выразить свои эмоции, как астроном перед лицом новой обсерватории. Ода **К Обсерватории** оказывается в соответствии с романтическим и лирическим

вдохновением, как и романс **Люцинда**. Карл Кнорре, наподобие Ленского, продолжал *голову ломать* над *заманчивой загадкой* вселенной, *чудеса подозревая*. Его душа все еще *воспламенилась* тем же самым *поэтическим огнем*. А что касается его других произведений, до сих пор они нам неизвестны. Правда, в течение его пятидесяти лет во главе Николаевской обсерватории, его дни были несомненно полны многочисленных задач и обязанностей, связанных со службой Черноморского флота и множество его ночей он посвящал астрономическим наблюдениям. Ему осталось мало времени для поэзии, но все показывает, что всю жизнь Карл Кнорре сохранял душу поэта.

Сюзанна Ф. Эраль
в июне 2011г.

Ссылки и примечания

1. Héral S.F., Pinigin G.I. - The Dynasty of Knorre Astronomers. – Nikolaev: Irina Gudym Publishing House, 2010.
2. Knorre K. - Lucinde //Inländisches Museum. Hrsg. von C.E. Raupach. Bd. 2. H. 6. - Dorpat : Verlag J.C. Schönmann, 1821.
3. Все приведенные отрывки из «Люцинды» в русском переводе от Сюзанны Эраль.
4. Собрание электронных архивов Николаевской Астрономической Обсерватории.
5. Бессараб М.Я.- Владимир Даль .- Москва : Изд. Московский рабочий, 1968 г.
6. Владимир Даль. – Русские Сказки - Сказка Вторая // Полное собрание сочинений Вл. Даля, (Казака Луганского), том девятый : Издание Товарищества М.О. Вольф, С.Петербург- Москва, 1898г, с. 25-35.
7. Nabokov Vl.- Eugene Onegin – novel in Verse, translated by Vladimir Nabokov, Princeton/Bolligen Paperback printing, 1981.
8. Золотухин А.И. – Пушкин и Николаевский край, «Возможности Киммерии», Николаев, 2001, с. 36-37.
9. Пушкин А.С.- Евгений Онегин //Полное собрание сочинений А.С. Пушкина в десяти томах, том четвертый.- Издание Академии наук СССР, 1949 г.
10. Стихотворение «К Обсерватории» в поэтической обработке Натальи Нагорняк с построчным сохранением слов перевода от Сюзанны Эраль и бережным отношением к замыслу автора, 30.08.2009г.